

И.И. Захаров

**Путевые записки русского
художника И. Захарова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.И. Захаров**
Путевые записки русского художника И. Захарова / И.И. Захаров – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 133 с.

ISBN 978-5-518-11137-0

Собраны во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии
и Германии.

ISBN 978-5-518-11137-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Мысль — побывать за границею, приглядѣться на разный Божій людъ, какъ неизлечимая болѣзнь, непрестанно мучила меня, а средства — горько улыбались. Вдругъ, неожиданно, представляется случай, я, безъ думъ, безъ плана, безъ малѣйшаго соображенія, такъ сказать, на выдержку являюсь въ Турцію, гдѣ, спустя нѣкоторое время, опять таки случайно, становлюсь въ такое положеніе, о которомъ прежде никогда бы и не подумалъ. Это даетъ мнѣ возможность посѣтить Грецію и Италію, а онѣ, вмѣстѣ съ Турціею, ознакомили меня съ древностями и совсѣмъ заслуживающимъ вниманія человека любознательнаго.

Мою наглядность, мои замѣтки и впечатленіе, я радушно передаю, какъ видѣлъ, моимъ соотечественникамъ, и вотъ первый томикъ, начало моихъ «путевыхъ записокъ.» Отъ вниманія публики зависитъ продолженіе выпусковъ въ свѣтъ этихъ томиковъ, которыя постепенно будутъ украшаться портретами и, къ тексту, отдѣльными большими эстампами.

Я художникъ — за литературною славою не гонюсь; не судите — чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ.

И. Захаровъ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Плаваніе въ Константинополь. — Разсказъ боцмана о Козарскомъ. — Босфоръ. — Буюкъ-Дере. — Матросъ-драгоманъ. — Первый визитъ нашъ.

Въ 1849 году, августа 12-го, въ четыре часа пополудни, я отправился изъ Одессы въ Константинополь на военномъ пароходѣ «Грозный». Никогда не бывавши на морѣ и наслышавшись столько неприятнаго о морской болѣзни, я съ какимъ-то страхомъ и недоумѣніемъ взошелъ на пароходъ, напередъ обрехши себя на двухъ-суточное страданіе. Но погода была прекрасная, и капитанъ парохода, вмѣстѣ съ офицерами, приняли меня ласково, завели разговоръ о разныхъ разностяхъ, начали показывать устройство парохода и всѣ его принадлежности, которыя были для меня новы и очень занимательны, такъ-что я мало-по-малу разсѣялся, ободрился и сдѣлался со-членомъ пароходной семьи. Пароходъ «Грозный», построенный въ Россіи, на верфи Николаевского порта, отдѣланъ такъ прочно и изящно, что лучшаго и требовать невозможно — даже до роскоши. Не буду говорить о томъ, какъ мы собирались въ каютъ-компанію бесѣдовать, чай пить и проч. Но когда пробилъ зорю, и мы разошлись по каютамъ спать, то не могу описать впечатлѣнія, какое произвелъ на

меня этотъ новый образъ жизни. На пароходѣ сдѣлалось тихо, безмолвно; только и слышны были мѣрные шаги вахтеннаго офицера и шумъ колесъ, разбивавшихъ волны, на поверхности, быть-можетъ, нѣсколькихъ сотъ саженой глубины; воображенію моему представлялись картины страшныя, чудныя, и одна мысль смѣняла другую. Чтобы выйти изъ такого положенія, я помоллся Богу съ особеннымъ усердіемъ и окуталъ одѣяломъ голову, стараясь поскорѣе заснуть. Не помню, долго-ли это продолжалось, но проснулся уже тогда, когда пробили утреннюю зорю и матросы на палубѣ что-то работали. Я, недолго думавши, всталъ, одѣлся и пошелъ на палубу полюбопытствовать, что тамъ дѣлается, и посмотрѣть на то бурное море, о которомъ съ дѣтства слышалъ и читалъ столько страшныхъ рассказовъ и сказокъ. Но въ это время море было не бурно, а совершенно тихо, и восходящее солнце освѣщало его на необозримое пространство. Правда — пространство огромное, но наводящее грусть, когда смотришь и не видишь никого и ничего, кромѣ неба и воды. За то на палубѣ была совсѣмъ другая противоположность: матросы бѣгали, суетились, и каждый что-нибудь дѣлалъ: кто чистилъ мѣдныя рѣшетки, кто разбиралъ канаты, кто мелъ палубу, а на кухнѣ производилась стряпня для цѣлаго морскаго дома, и все это не дѣлалось, а кипѣло. Осмотрѣвъ всю хозяйственную и исполнительную дѣятельность на пароходѣ, я подошелъ къ кучкѣ матросовъ, собравшихся около одного стараго боцмана,

стоявшаго на носу парохода и о чемъ-то разсуждавшаго и показывавшаго руками на море. — «О чемъ вы тутъ разсуждаете?» — спросилъ я. — «Да вотъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ боцманъ, — показываю ребятамъ, гдѣ мы ходили на *брыкъ меркуль* (*) съ командиромъ Козарскимъ, когда съ Туретчиной война была.» — «По какимъ же ты примѣтамъ узнаешь мѣста, гдѣ вы проходили?» спросилъ я. — «Да какъ же, ваше благородіе, не узнать,» — отвѣчалъ онъ — «я въ этихъ мѣстахъ нѣсколько разъ проѣзжалъ: то во время войны съ Туретчиной, то съ провіантомъ на *Федонисовъ-Островъ* (**), вонъ туда, видите, ваше благородіе, на морѣ что бѣлѣется, — это *Федонисовъ-Островъ*». Я началъ присматриваться и едва могъ разсмотрѣть что-то мелькавшее въ роля маяка; въ это время и офицеры, собравшіеся на палубѣ, смотрѣли на островъ въ подзорныя трубы. — Великъ-ли островъ, и кто тамъ живетъ?» спросилъ я опять — «Нѣтъ, ваше благородіе, не великъ; тамъ живетъ только таможенная команда и больше никого: скушновато, нѣча-сказать, а дѣло нужное и служебное. Какъ расходится погодушка, такъ тутъ поневолѣ придется сидѣть на уменьшенной дачѣ.... Ну, да что же дѣлать — нашему брату солдату не лежать же въ пуховкахъ?..... Какъ немножко постихнетъ — вотъ ужъ и катитъ туда *брыкъ* на всѣхъ парусахъ, везетъ провіантъ, добрыя вѣсти, да Русское спасибо началь-

---

(*) Бригъ «Меркурій».

(**) Островъ Феодониси, на Черномъ-Морѣ.

ству, за хорошую службу. — «Такъ въ это-то время
вашъ бригъ «Меркурій» поваля между Турецкихъ
кораблей, гдѣ командиръ Козарскій такъ геройски
отличился? — спросилъ я. — «Нѣтъ, ваше благородіе,
не въ это время, и не здѣсь, — отвѣчалъ онъ, — а
въ Турецкую войну, и до того мѣста еще далеко:
завтрашній день, часовъ въ одиннадцать, мы будемъ
проходить около того мѣста, откуда и берегъ будетъ
чуть видѣнъ». — «Разскажи же, пожалуйста, какъ
было дѣло; сказалъ я. — «Да вотъ какъ, ваше бла-
городіе, насъ послали изъ Сизополя осмотрѣть, гдѣ
находится Турецкій флотъ. Шли мы день, никого не
видали, а ночью сдѣлался туманъ, такой густой, что
мачтъ не было видно на своемъ брыкѣ. На-утро,
только-что солнце стало всходить, а туманъ прохо-
дитъ, смотримъ — показываются мачты корабля; гос-
пода офицерство схватили ползорныя трубы и заго-
ворили: «Турецкій, Турецкій корабль!» Пока доло-
жили командиру, смотримъ — на другой сторонѣ еще
корабль Турецкій. Офицерство собралось около ко-
мандира, совѣтъ держать — что, дескать, съ этимъ
дѣлать? Говорили долго, потомъ командиръ побѣжалъ
въ каюту, взялъ заряженный пистолетъ и отдалъ
приказъ — биться до послѣдняго: «Лучше умремъ, а
не посраимъ Русскаго флага!» — сказалъ онъ, — да
и сталъ съ пистолетомъ надъ пороховою камерою.
Турки завидѣли нашъ брыкъ, да и давай дѣлать си-
гналы, чтобы мы сдались; а мы какъ хватимъ изъ
всѣхъ пушекъ — сбили мачту, попортили руль и мно-
го кой-чего. Пока дымъ прошелъ, а мы выкинули

веслы, да и впередъ; Турки начали стрѣлять по насъ, а попали въ свой другой корабль, къ которому и мы подходили. Турки перепугались, думали, что мы подходимъ къ нимъ для того, чтобы взорвать на воздухъ ихъ корабль вмѣстѣ съ *брыкомъ*, не знали, что дѣлать, а мы подошли поближе, да опять выстрѣлили со всѣхъ пушекъ, а сами все впередъ, на веслахъ. Въ это время туманъ уже прошелъ и подулъ вѣтеръ; мы скорѣй распустили паруса, оглянулись на Турку, а онъ и не думаетъ за нами гнаться: насилу справился съ своими кораблями и пустился на утекъ.»—

Послѣ этого разсказа, на другой день часовъ въ 12-ть, дѣйствительно, начали обрисовываться на горизонтѣ горы, какимъ-то лиловатымъ тономъ, наконецъ все ближе, ближе и показался берегъ, котораго мы изъ виду не теряли до самаго пролива. Къ-вечеру подулъ довольно свѣжій вѣтеръ, и заколыхалось море; къ счастью, вѣтеръ былъ попутный и мы къ семи часамъ уже подходили къ маякамъ, построеннымъ на Азіятекомъ и Европейскомъ берегахъ для обозначенія пролива. Я цѣлый день не сходилъ съ палубы. Чѣмъ ближе мы подходили къ Турціи, тѣмъ болѣе возрастало мое любопытство; мнѣ казалось, что я ѣду въ какую-то фантастическую страну, гдѣ волшебный Босфоръ отдѣляетъ Европу отъ Азіи, гдѣ великолѣпные султанскіе дворцы, съ таинственными гаремами; суровые янычары, угрюмые Турки, древняя Визитія, и проч. и проч., все это представилось мнѣ въ какомъ-то очаровательномъ видѣ, точно въ сказкѣ Тысячи и Одной Ночи.... Дѣйствительно, лишь

только пароходъ началъ входить въ проливъ, какъ на маякахъ вспыхнули огни, то красный, то голубоватый, и пахнулъ какой-то благорастворенный воздухъ, а къ довершенію очарованія, показалась луна, освѣтившая весь Босфоръ, какъ-будто прывѣтствуя насъ, и серебрястыми лучами, отражавшимися въ водѣ, далѣко, далѣко указывала путь въ гостепривимную страну. Благодаря такому освѣщенію, мы могли ясно видѣть оба берега, Азіятскій и Европейскій, унизанные крѣпостцами, укрѣпленіями, разбросанными деревеньками, съ мелькавшими огоньками. Наконецъ показался Буюкъ-Дерѣ, гдѣ живутъ въ лѣтнее время иностранные посланники. Передъ домомъ Русскаго посланника, вдругъ пароходъ дрогнулъ, цѣпь зазвучала и якорь пошелъ ко дну; ровно въ 9-ть часовъ вечера мы были уже на мѣстѣ. На берегу не было видно ничего особеннаго, кромѣ домовъ, освѣщенныхъ огнями; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ слышна была игра на фортешіано и цѣніе Италіянскихъ оперныхъ арій. На другой день, я проснулся въ 7 часовъ утра, и, выглянувъ въ окошечко своей каюты, которое обращено было къ набережной, не могъ понять, во снѣ-ли то вижу или на-яву. Передо мной открылась чудная панорама: горы, одна другой выше, покрытыя зеленью южныхъ странъ; на скатахъ горъ — прекрасные сады, виноградники, орѣховыя, кипарисовыя и миртовыя деревья; между деревъ виднѣлись дома и домики разной архитектуры и разныхъ колоритовъ, обвитые плющомъ и виноградными лозами: по набережной въ линію построены большіе дома

посланниковъ и богатыхъ негоціантовъ. На берегу, съ ранняго утра показались группы мальчишекъ и взрослыхъ людей, въ разныхъ костюмахъ: Турокъ, Армянъ, Грековъ, Турчанокъ и Гречанокъ; тамъ угрюмо идетъ военный Турокъ, съ кривою саблею; тамъ тощій Грекъ съ усами, перебирающій четки; тамъ женщины ползутъ, какъ тѣни, съ закутанными лицами, въ широкихъ покрывалахъ; тамъ Сербъ съ лошакомъ, у котораго, по обѣ стороны сѣдла, прицѣплены мѣдные котлы, кричитъ: *сюдъ, сюдъ* (молоко, молоко); тамъ идетъ рундъ Турецкихъ солдатъ, сформированныхъ по-Европейски; тамъ Армянинъ, на ослѣ, катитъ дробною рысью, а ногами чуть не касается земли. Я долго лежалъ въ постели, смотря на эту картину, и наконецъ, вспомнивъ, что мы уже находимся въ Турціи и я все это вижу на-яву, вскочилъ съ постели, одѣлся, и вышелъ на палубу, чтобы осмотрѣть всѣ окрестности. Пока я разсматривалъ ихъ, стоя съ офицерами на палубѣ и разсуждая о впечатлѣніи, какое на cadaго изъ насъ произвели новые предметы, пароходъ окружили со всѣхъ сторонъ каяки, нагруженные персиками, абрикосами и виноградомъ, и каждый продавецъ на-перерывъ, кто по-Турецки, кто по-Гречески, предлагалъ свой товаръ. Но какъ никто изъ насъ не зналъ ни по-Турецки, ни по-Гречески, то операція торговая и находилась въ затрудненіи, пока дѣла не рѣшилъ одинъ, подошедшій къ намъ, матросъ. — «Позвольте, ваше благородіе, я куплю, что вамъ угодно, сказалъ матросъ. Мы объявили, что и сколько кому нужно. Мат-

рость. подходит къ одному продавцу и говоритъ: — Эй, знакомъ, давай сюда вотъ этихъ яблоковъ столько-то фунтовъ, винограду столько-то, а этого столько-то, да смотри — не обманывать, а не то — вотъ что» (показалъ кулакъ). Продавецъ отвѣсилъ все выбранное, сколько было назначено матросомъ, и получилъ отъ него Русскій цѣлковый, а сдалъ Турецкими піастрами; матросъ пересчиталъ деньги, сообразилъ чего на сколько отпущено, и отдалъ намъ: — «Вотъ, ваше благородіе, этого на столько, а этого на столько и все было какъ-нельзя вѣрнѣе! Такимъ-образомъ, на первый разъ мы завели торговля сношенія съ Турціею при посредствѣ матроса! Русскіе матросы удивляли меня вездѣ за границею, гдѣ случалось ихъ видѣть. Приѣхавъ въ первый разъ въ какой-нибудь иностранный портъ, они не будутъ искать ни переводчика, ни провожатаго, который показалъ бы имъ, гдѣ что купить повѣгоднѣй и по какимъ улицамъ пройти не заблудившись; соберутся человѣка три, отправляются на берегъ, никогда не заблудятся, отыщутъ все, что имъ нужно, и купятъ вещь никакъ не дороже того, чего она стоитъ, а на какомъ языкѣ они объясняются — того никто постигнуть не можетъ.

Послѣ торговой операціи, мнѣ захотѣлось поскорѣй съѣхать на берегъ; но офицеры, бывавшіе уже въ Турціи, имѣли на берегу нѣсколько знакомыхъ Греческихъ домовъ и собирались къ нимъ въ гости, а потому и рѣшено ѣхать на берегъ всеѣмъ вмѣстѣ. Послѣ обѣда, часа въ четыре, мы были уже на берегу и отправи-